

АНДРЕЙ РЕБРОВ

ПО ВОЛЕ НЕБЕСНОЙ...

НА БРАНЬ ПОСЛЕДНЮЮ...

*Архиепископу Константину
(Горянову)*

Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шел монах, сумняшеся ничтоже,
Вековой тропой, и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаную вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.

Шел чернец строкой незавершенной,
Посох предержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.

А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,

РЕБРОВ Андрей Борисович родился 1 июля 1961 года в Ленинграде. Детство прошло в самом центре старого города: в Александровском саду, у Львиного мостика, близ Николо-Богоявленского собора. Работал в Публичной библиотеке, на почте и т. д. После возвращения из армии — в Экспериментальном вычислительном центре, машинистом-кочегаром в котельной, что, благодаря свободному времени, позволяло заниматься литературной учебой и работой. Гл. редактор журнала “Родная Ладога”, директор “Издательского дома “Родная Ладога”. Живет в С.-Петербурге.

Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,
Посвист пуль, звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг пропятах танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.

Шел монах без усталости и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.

* * *

Никольский собор закружил куполами.
И чудится в каждом витке листопада,
Что осени русской кленовое пламя
Бушует в ветвях Гефсиманского сада.

Да будет по вере твоей! И не сетуй,
Да было ли то, и на самом ли деле
Мгновенье тому на промокших газетах
Библейские ангелы тихо сидели.

Есть в осени невольской такие мгновенья,
Когда этот город кружит в поднебесной,
И разных времен и пространств совмещенье
Вершится как будто по воле небесной.

* * *

Цветы целительные травы
Под взором солнечным небес.
И, как Мамврийская дубрава,
Дышал иссопом русский лес.

В душистой дымке золотистой
Ягненок пасся на лугу,
И женщина несла тернистый,
Смолистый хворост к очагу,

Где, до поры тая дыханье,
Заветно тлел огонь костра,
И старец, будто в ожиданье,
Стоял у ветхого шатра...

И голубь реял крестоносно,
И шло служенье муравья...
Все было значимо и просто,
Как в вечной книге Бытия.

КСЕНИЯ БЛАЖЕННАЯ

Смолк гомон городской.
В ночи разносит ветер
Гуденье фонарей, горящих надо мной,
И я спешу во храм —
в звучащем этом свете —

На дальний ясный звон,
на тихий огонь свечной.

И, временной предел душой одолевая,
Я вижу в звонной дали вековой,
Как вдоль Смоленки

Ксения,
сияя,

Идет в юдольной мгле по мостовой.

Грядет,
сквозь годы,
в образе беднячком,
Всю Русь вместив
в ладонях — на груди.

И я спешу,
спешу,
но не угнаться —

За ней,
идушей тихо впереди.

ПРЕД МОГИЛОЙ ПУШКИНА

Просветлел небосвод на востоке,
Источилась луна над жнивьем.
У горы пред могилой высокой
Постою — между ночью и днем.

В этот час сокровенный, эфирный,
Схожий с тонкой реальностью сна,
В чутком сердце — по-ангельски мирно
Совмещаются времена.

И тогда сердцу слышится — где-то
В горной рощице стук посошка
И смиренная поступь поэта,
Чьи шаги сохранили века.

И парят над стернею осенней,
И зовут в ночедневной тиши
Светлокрылые строфы — к спасенью,
А не к грешной свободе души.